

ПРОБЛЕМА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ С.Н. ГЛИНКИ

Н.Н. ЛУПАРЕВА

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: nadushka@vmail.ru

В статье рассматривается трактовка проблемы крепостного права в России одного из ранних русских консерваторов Сергея Николаевича Глинки. На основе материалов издававшегося им журнала «Русский вестник» раскрывается консервативная программа устранения негативных социально-политических и экономических последствий крепостничества, при формальном сохранении самого института крепостного права. Неопубликованные сочинения С.Н. Глинки, датированные последними годами его жизни, демонстрируют эволюцию его взглядов в сторону либерализма, следствием чего стала открытая критика российского крепостничества. В заключении сделан вывод о том, что негативное отношение к рассматриваемой проблеме было характерно для С.Н. Глинки в течение всей жизни, но в консервативный период своей деятельности он верил в возможность разрешения крестьянского вопроса посредством нравственно-этического просвещения русского общества; в последние же годы жизни Глинка открыто критиковал крепостное право и переносил крестьянский вопрос в политико-правовую плоскость.

Ключевые слова: С.Н. Глинка, русский консервативный национализм начала XIX в., крепостное право, мифологизированная история, социальная утопия.

В либеральной и марксистской историографии консерваторы традиционно трактовались как активные и последовательные защитники института крепостного права в его самых неприглядных проявлениях. Однако этот вопрос может выглядеть гораздо более неоднозначным, что мы попытаемся доказать на примере сочинений одного из видных представителей раннего русского консерватизма Сергея Николаевича Глинки (1775/6 – 1847 гг.). Основным источником для написания статьи послужили материалы издававшегося С.Н. Глинкой с 1808 по 1824 г. журнала «Русский вестник», который в современной отечественной историографии раннего русского консерватизма признается первым в России консервативно-националистическим изданием¹, а также его мемуары и неизданные сочинения последних лет жизни. Некоторые дореволюционные и советские исследователи изображали С.Н. Глинку откровенным крепостником и его «Русский вестник» как «орган крепостнического консерватизма», подразумевая, что журнал выступал в защиту эксплуатации крестьян со стороны помещиков². Однако анализ тех его материалов, в которых поднималась тема взаимоотношений помещиков и крестьян, рисует совершенно иную картину.

Проблема существования крепостного права являлась одной из центральных в «Русском вестнике». Консервативно-националистическая концепция журнала носила полемический характер; она была построена на противопоставлении либеральных принципов просветительской идеологии, повинной, по мысли издателя, в кровавом терроре Французской революции, проверенному веками опыту предшествующих поколений³. Но журнал полемизировал и с российской действительностью, охваченной повальной галломанией русского образованного общества, т.е. его приверженностью ко всему французскому: воспитанию, языку, гувернерам, модам, и мн. др. Особенно резко Глинка критиковал увлечение политически не-

¹ Минаков А.Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: сборник научных работ / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2005. С. 15.

² Напр. Мельгунов С. Глинка С.Н. // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 15. Гирке – Город. С. 143; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957. С. 232; История русской журналистики XVIII-XIX вв. Под ред. проф. А.В. Западова. М., 1973. С. 114.

³ См. Вступление к «Русскому вестнику» // Русский вестник. 1808. № 1. С. 3-10.

благонадежными сочинениями французских просветителей, которые на страницах «Русского вестника» именовались «лжеумствователями осьмагонадесять века». «Губительное» иностранное влияние оборачивалось размыванием основ национальной идентичности, собственный вариант которой Глинка представил на страницах своего журнала. Она ассоциировалась с жизненным укладом Московской Руси и предполагала существование самобытной культурно-исторической традиции (прежде всего, особого «русского» воспитания, основанного на христианской морали и общего для всего населения государства), сформированного религиозным миропониманием национального характера (основными его чертами были богобоязненность, почтение к старшинству, милосердие, скромность, честность, мужество и др.⁴) и особого типа общественно-политического устройства. Глинка утверждал, что для допетровской России было характерно государство с сильной монархической властью и четкой иерархической структурой, наделявшей каждое сословие строго определенными правами и обязанностями. Это государство было лишено всяких социальных антагонизмов благодаря тому, что все общественные связи в нем одухотворялись христианской моралью и были патриархальными, т.е. государь выступал как нежный, заботливый отец своих подданных, а подданные – как его любящие, послушные дети. В эту схему укладывались вообще все отношения начальства-подчинения. В частности, «истинные русские помещики», утверждал Глинка, «были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались впечатлеть в сердцах детей своих, что *крестьяне суть такие же люди, как и они*»⁵, что подтверждалось многочисленными примерами из русской истории. Так, боярин времен царя Алексея Михайловича Федор Ртищев, «во всю свою жизнь облегчая жребий крестьян», был их «другом, отцом и братом», и завещал своим детям и родственникам: «воспомяните о мне любовью и милосердием к поселянам: являйте им отеческий покров; не отягчайте их работою и оброками: они братья ваши»⁶. Русские православные, крестьяне в свою очередь, всегда и во всем повиновались «Богу, Государю, помещикам, отцам и матерям», потому что «Бог велит повиноваться старшим»⁷.

В современной действительности эта гармония оказалась разорванной. Глинка обвинял помещиков, стремившихся европеизировать свой быт в том, что они «употребляют во зло власть и права свои»⁸ и, растрачивая огромные суммы на предметы роскоши, «нередко и себя и подданных своих разоряют»⁹. «Разлагающее» иностранное влияние проникало и в среду самого крестьянства, например, в среду торгующих крестьян, которые оказывались в зоне риска в силу своего неопределенного социального статуса. В одной из статей «Русского вестника» Глинка говорит, что «видел у одного из таких крестьян два тома Вольтеровых сочинений... о которых сей человек такие делал рассуждения, что нельзя было не поразиться его беззаконием»¹⁰. Разъезжая по ярмаркам и городам, эти крестьяне способствовали распространению нравственных и физических пороков, т.к. привозили с собой «развратные нравы», «болезни, вредные для деторождения» и «все страсти больших городов»¹¹. Они также способствовали разложению патриархального уклада жизни других крестьян, т.к. «деревенские перенимают их моды, обычаи, и хотя они принадлежат одному помещику и все вообще составляют одну собственность, сельский житель пренебрегает жителя деревенского и часто почитает за низость жениться на деревенской девке»¹². Таким образом, С.Н. Глинка вовсе не закрывал глаза на существовавшие в Российской империи начала XIX в. проблемы крепостнического строя, хотя и оговаривал их существование следствием иностранного влияния.

Открыто проблема крепостного права в «Русском вестнике» поднималась лишь однажды. В статье «Напоминание о Екатерине II»¹³, упомянув о том, что императрица

⁴ Подробнее об этом см. Одревних Русских стихотворениях // Русский вестник. 1808. № 6. С. 325-340.

⁵ Там же. 1809. № 2. С. 208.

⁶ Там же. 1808. № 4. С. 34-35.

⁷ Там же. 1812. № 10. С. 58.

⁸ Там же. 1808. № 4. С. 36.

⁹ Там же. № 6. С. 316.

¹⁰ Там же. 1811. № 6. С. 81.

¹¹ Там же. С. 81-82, 84.

¹² Там же. 1811. № 6. С. 86.

¹³ Там же. 1808. № 4. С. 3-45.

поднимала вопрос: «полезнее ли в России быть крестьянам вольными или крепостными?»¹⁴, Глинка задается вопросом: «Может быть некоторые спросят: почему же Екатерина не дала свободы крестьянам?» И дает следующий комментарий: «Разрешение сего вопроса не относится к рассуждениям частного человека»¹⁵. В этой же статье Глинка цитировал рассуждение Ж.-Ж. Руссо о том, что правовому освобождению крестьян, должно предшествовать «расторжение душевных оков, обременяющих тела»¹⁶. Таким образом, Глинка относил политико-правовое разрешение этого вопроса к компетенции верховной власти, причем считал необходимым длительный период соответствующей подготовки и просвещения крестьян. До этого момента требовался поиск альтернативных путей устранения имеющихся антагонизмов, в «Русском вестнике» издатель предлагал свой вариант.

Свое издание Глинка задумывал как «журнал Отечественного воспитания»¹⁷. Надо сказать, что сосредоточенность на педагогической проблематике, на идее национального воспитания, опиравшегося на приобщение к традиционным формам народного бытия захватила не только русских, но и мыслителей всей Европы к XVIII- нач. XIX в.¹⁸ Глинка не был исключением: все материалы «Русского вестника» носили ярко выраженный дидактический характер и могут рассматриваться как масштабный просветительский проект с целью национального возрождения. В этом ряду стоят сконструированные Глинкой на страницах журнала идеализированные образы «истинного русского помещика» и «истинного русского крестьянина».

«Звание» «отца-помещика» – одна из составляющих «должности» русского дворянина, которая также включает военную, государственную службу и примерное выполнение обязанностей отца, сына, брата и мужа в рамках своей нуклеарной семьи¹⁹. Причем по своему статусу «попечение о крестьянах есть такая же служба, как и служение на ратном поприще. Отечество вверяет крестьян в человеколюбивый и отеческий присмотр; он отвечает за них совести, Богу и Отечеству»²⁰. На помещике лежит ответственность за нравственность, здоровье и благосостояние своих крестьян. «Нравственная власть» помещика подразумевает «сближение поселян с Богом и благонравием»²¹. В качестве показательного Глинка приводит пример помещика, который приступал к началу всех сельскохозяйственных работ совместным с крестьянами богослужением «Подателю и Виновнику всех благ земных»²². Одна из статей журнала рассказывала о помещике, который построил для своих крестьян баню и больницу, причем, когда крестьяне отказались делать своим детям противосыпные прививки, считая их слишком опасными, сделал такую прививку своему двухлетнему сыну и таким образом доказал ее эффективность²³. Экономический достаток крестьян обеспечивается «умеренностью» помещика, который должен вести максимально простой образ жизни: «городским затеям», балам, дорогим экипажам, одежде по последней моде предпочитать семейный образ жизни в отцовском поместье, наследственное имущество, скромную одежду, «почти такую же» как у крестьян²⁴. Помещик должен планировать график выполнения сельскохозяйственных работ, контролировать процесс их выполнения и все связанные с ним вопросы, заниматься повышением эффективности производства, например удобрения полей²⁵.

¹⁴ Русский вестник. 1808. № 4. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 42-43.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Письмо С.Н. Глинки к Г.Р. Державину. 21 марта 1807 г. // Державин Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными пояснениями Я. Грота. Т. 6. СПб., 1876. С. 202.

¹⁸ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология последней трети XVIII-первой трети XIX в. М., 2004. С. 168-169.

¹⁹ Русский вестник. 1808. № 4. С. 24-25.

²⁰ Там же. 1810. № 1. С. 121-122.

²¹ Там же. 123.

²² Там же. С. 123-124.

²³ Там же. 1811. № 8. С. 80-84.

²⁴ Там же. С. 85-86.

²⁵ Там же. 1810. № 1. С. 122.

Глинка стремился доказать, что подобное отношение непременно вызовет благодарность и признательность крестьян, т.к. «сии люди умеют живо чувствовать силу любви и благодетельности»²⁶. В одной из статей, рассказывающей об образцовом помещике, приводится такой отзыв о нем его крестьян: «Он родной нам отец! За ним и за Богом живем как в Раю»²⁷, а также описываются их переживания за своего хозяина, раненого в сражении: «Вдруг разнеслась молва, что уж его нет на свете! Пристигла нас лютая печаль и тоска. Помнили мы все ласку и милости его, когда он к нам приезжал. С горькими слезами пошли всем миром в церковь Божию, отслужили панихиду, и все от чистаго сердца говорили к Господу Богу: *почто мы за него не умерли!*»²⁸. Чтобы понять роль этого положения в концепции С.Н. Глинки, важно учесть литературный и бытовой контекст эпохи. Долгое время вопрос о внутреннем мире, переживаниях и чувствах простого, по терминологии первой половины XVIII в. «подлородного» человека в России не рассматривался вообще. Его начали обсуждать лишь к концу XVIII столетия, а этапным для русской литературы стало открытие, сделанное Н.М. Карамзиным в повести «Бедная Лиза», что «и крестьянки любить умеют»²⁹. Таким образом, в общественном сознании россиян проявился культивировавшийся просветительской литературой пафос следования нравственным законам в отношении к человеку, независимо от его сословной принадлежности. Подобный подход открывал возможность новой, надсословной оценки достоинства человека: достоин тот, кто выполняет заложенные в его статусе обязательства перед обществом. Так, Глинка настаивал, что «название благородного человека... часто неправильно употребляется... Простой воин, земледелец, усердно и терпеливо переносящие обязанности свои, суть достойные и благородные сыны Отечества»³⁰. Наделяя крестьян, наряду с другими сословиями, долгом не только перед их непосредственными хозяевами, но и перед Отечеством, Глинка подчеркивал их гражданский статус и встраивал в общую социально-политическую структуру. Он акцентировал проявление гражданской позиции крестьян их мужеством и рвением участвовать в обороне Отечества, что, в отличие от дворянства, вообще не подразумевалось их «должностью». Здесь следует заметить, что появление «Русского вестника» было напрямую связано со сложным внешнеполитическим положением Российской империи, после неудачных войн с наполеоновской Францией заключившей унижительный для нее Тильзитский мир (1807 г.) и небезосновательно ожидавшей новой войны. С.Н. Глинка видел цель своего издания в «возбуждении народного духа и вызове к новой и неизбежной борьбе»³¹, чем и был продиктован ярко выраженный националистический пафос журнала и внимание к военной проблематике³². В этих условиях изображение героизма крестьян – Глинка утверждал, что «воинский дух и неустрашимость суть природные их свойства»³³ – носило и чисто пропагандистский характер, доказывая их верность Отечеству и престолу. Особенно часто Глинка описывал рвение, с которым крестьяне поставляли ратников в земские войска. Так один из крестьян, имея возможность не отдавать на службу своего уже женатого сына, не воспользовался ею, сказав: «И барин; пусть он служит Богу и Государю! У меня остался другой сын; а коли надо, ей Богу, барин! за Веру, за Государя, хоть я и стар, а теперь же пойду с последним сыном»³⁴. А во время войны 1812 г. «верные и православные русские крестьяне твердою грудью стали за своих, и оставя соху принялись за оружие к истреблению опустошителей сел и деревень и осквернителей храмов Божиих»³⁵. Однако самое яркое воплощение гражданственности русского крестьянина

²⁶ Русский вестник. 1809. № 2. С. 208.

²⁷ Там же. 1811. № 8. С. 80.

²⁸ Там же. 78-79.

²⁹ Казаков Р.Б. Крестьянство и власть в сочинениях Н.М. Карамзина: проблемы источниковедения // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Мат-лы XVI науч. конференции. Москва, 30-31 января 2004 г. / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2004. С. 96.

³⁰ Русский вестник. 1808. № 6. С. 315.

³¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 232.

³² См. статьи О военном искусстве // Русский вестник. 1809. № 6. С. 280-350; Краткое нравственное и историческое начертание о ратном деле россиян // Там же. 1810. № 10. С.22-70; Выписки и замечания из хитрости ратного дела // Там же. 1811. № 2. С.62-80 и др.

³³ Там же. 1808. № 8. С. 219.

³⁴ Там же. № 3. С. 352-353; см. схожие сюжеты в статьях Наследственное мужество русских // Там же. 221-223; Русской крестьянин, гражданской анекдот // Там же. С. 315-319.

³⁵ Там же. 1813. № 1. С. 107.

Глинка находил в историческом прошлом России: в подвиге Ивана Сусанина, ценой собственной жизни в конце Смуты спасшего от гибели царя Михаила Федоровича³⁶. Причем М. Велижев и М. Лавринович в своем исследовании утверждают, что именно С.Н. Глинка в своем «Русском вестнике» сформулировал сусанинский миф в том виде, в котором он вошел в отечественную историографию³⁷.

Подобный образ крестьянина, с точки зрения Глинки, должен был мотивировать помещиков на образцовое поведение. Заметим, что помещик является активной стороной в этих отношениях, что соответствует одному из стержневых принципов консерватизма – принципу иерархии, как регулятора требований, предъявляемых каждому члену общества в зависимости от его социального статуса: чем выше положение человека, тем выше его ответственность. Поэтому образ идеального помещика в трактовке Глинки связан с многочисленными обязанностями, для образа крестьянина важнее прорисовка положительных, «облагораживающих» его черт. Следование предложенным моделям поведения, по мнению Глинки, должно было восстановить утраченную гармонию взаимоотношений помещиков и крестьян. Эту систему отношений Глинка считал одинаково выгодной для обеих сторон. Во-первых, с моральной точки зрения: зависимость крестьян оказывалась «сладостнее всякой мечтательной свободы», так как отеческая опека помещиков снимала с них лишнюю ответственность, даже за сохранность собственной добродетели³⁸; в то время как наградой владельцев становится «любовь и приверженность подчиненных»³⁹. Во-вторых, с экономической: «умеренность человеколюбие и пример помещиков, побуждающий крестьян к трудолюбию и благонравию вернее всякого нововводимого земледелия послужит к взаимному и истинному благоденствию помещиков и крестьян»⁴⁰. В-третьих, с политической, так как являлась одним из факторов сохранения жесткой социальной иерархии и стабильности государственной системы в целом.

Накануне и в ходе Отечественной войны Глинка действительно верил в реальность воплощения своего общественного идеала в жизнь. В воспоминаниях он описывал свое убеждение в том, что «необычайные события производят и необычайные преобразования общественные», а потому он верил, что, во-первых, «сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной, и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей». Во-вторых, «что владельцы тысячей душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы». В-третьих, «что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие»⁴¹. С окончанием войны жизнь постепенно входила в обычное русло, действительно объединившие общество патриотические настроения утихали. Глинка убедился в умозрительности своих взглядов. «Утопия! Утопия! Мечта! Мечта!»⁴² – писал он, характеризуя прежние надежды.

К концу жизни политические взгляды С.Н. Глинки претерпели существенную эволюцию в сторону либеральных. Если в консервативный период своей деятельности он исходил из типичной для его эпохи, продиктованной просветительской мыслью идеи господства над миром нравственных законов и возможности регулирования с их помощью политической сферы, то в 1830-1840 гг. Глинка пришел к убеждению, что политическая система государства может хорошо функционировать только при усло-

³⁶ Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и Избавитель Царя Михаила Федоровича Романова // Русский вестник. 1812. № 5. С. 72-94.

³⁷ Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона // Новое Литературное Обозрение. № 63.

³⁸ Русский вестник. 1809. № 4. С. 22.

³⁹ Там же. № 2. С. 207.

⁴⁰ Там же. 1809. № 4. С. 22-23.

⁴¹ Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 91-92.

⁴² Там же.

вии ее регулирования политическими же мерами. Так в неопубликованных сочинениях последних лет жизни он ратовал за введение Конституции, обеспечивающей равенство всего населения страны перед законом, критиковал законодательную деятельность русских монархов, начиная с Петра I и заканчивая Александром I⁴³.

Проблема крепостнического строя России волновала Глинку на протяжении всей жизни. Исследователь нач. XX в. И.В. Евдокимов в своей неопубликованной работе о С.Н. Глинке упоминает о нескольких главах его «Записок», посвященных крепостному праву. Этот факт был сообщен ему внуком С.Н. Глинки профессором Московского университета С.Ф. Глинкой. Главы не были включены в изданные «Русской стариной» в 1895 г. «Записки» по цензурным соображениям, что наталкивает на мысль об их антикрепостническом характере. Рукопись этих глав по сведениям Евдокимова оказалась затерянной⁴⁴. Сохранились неизданные сочинения С.Н. Глинки: книга «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего Отечества»⁴⁵ (1844 г.) и отрывки из недоконченной «Истории России»⁴⁶ (1844 г.), в которых он рассматривал историю возникновения крепостного права в России. Глинка считал, что до Петра I крестьяне в России не были прикреплены к земле. При этом он ссылаясь на 88 статью Судебника Ивана Грозного, в которой оговаривалось существование весеннего и осеннего Юрьева дня, т.е. периода в который крестьяне могли переходить к другому землевладельцу (неделю до весеннего и неделю после осеннего)⁴⁷. Глинка считал, что отмена Юрьева дня в 1592 г. была временной мерой, что в 1601 г. царь Борис Годунов не только возобновил оба Юрьевых дня, но и продлил их срок еще на две недели⁴⁸. По мнению Глинки, именно Петр I «неосторожною и заторопленною рукой двинул народ русский на крепостной быт, дотоле не существовавший», т.к. при нем была проведена первая поголовная перепись, прикрепившая крестьян к той земле, на которой они находились на момент переписи⁴⁹. Причем Глинка резко отрицательно оценивает это событие. Негативным образом он отзываясь и о царствовании Екатерины II, когда крестьян по причине «барского мотовства» стали «закладывать и перезакладывать», и когда они терпели «и в трудовой и в нравственной жизни своей»⁵⁰.

Сложно судить по отрывочным данным, но по-видимому исторической ретроспективой положения российского крестьянства, Глинка пытался показать искусственность этого института в России, его несоответствие органическим началам русской государственности, искаженным вторгшимся при Петре I иностранным влиянием. Во всяком случае, резко отрицательное отношение самого автора к крепостному праву становится очевидным. Об антикрепостнических взглядах свидетельствуют и факты собственной биографии С.Н. Глинки. Получив от родителей наследство в размере 30 душ, он отдал его сестре⁵¹, а в 1808 г. дал вольную своему последнему человеку⁵², и больше никогда не был душевладельцем. Один богатый друг С.Н. Глинки хотел подарить ему 60 крепостных, но Глинка отказался со словами: «Не возьму, я никогда не буду иметь человека как собственность»⁵³.

Таким образом, можно утверждать, что отношение С.Н. Глинки к крепостному праву в том виде, в котором оно существовало в России в XVIII – нач. XIX в. было отрицательным на протяжении всей жизни. Но в консервативный период своего творчества (1800-1810-е гг.), в свете негативного отношения к французской революции, он не подвергал сомнению необходимость сохранения незыблемым общественно-

⁴³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 191. Е.х. 18. Л. 50-73 об., л. 182-214 об.

⁴⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 120. Л. 7 об.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 191. Е.х. 18. 212 лл.

⁴⁶ Там же. Е.х. 12. 32 лл.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 191. Е.х. 12. Л. 4 об.

⁴⁸ Там же. Л. 14 об., 20 об.-21 об.

⁴⁹ Там же. Е.х. 18. Л. 53; Е.х. 12. Л. 31 об.

⁵⁰ Там же. Е.х. 18. Л. 93-94.

⁵¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 222.

⁵² Там же. С. 287.

⁵³ Там же. С. 211.

политический порядок Российской империи и считал возможным разрешение крестьянского вопроса посредством нравственно-этического просвещения. Его результатом должно было стать установление идеальных патриархальных отношений между помещиками-отцами и крестьянами-детьми. Однако это положение подразумевалось как временное, в течение которого помещики, нравственно просвещая крестьян, готовили их к свободе. Право же даровать эту свободу Глинка считал исключительной прерогативой верховной власти. Убедившись в утопичности своей теории, к концу жизни Глинка написал ряд сочинений, в которых критиковал российское крепостничество, но каких-либо конструктивных предложений по его преобразованию из этого периода его жизни нам не известно.

THE PROBLEM OF SERFDOM IN THE JOURNALISM AND HISTORICAL WRITINGS OF S.N. GLINKA

N.N. LUPAREVA

Voronezh State University

e-mail: nadushka@vmail.ru

The article is devoted to the view of one of the early Russian conservatives Sergey Nikolayevich Glinka on the problem of serfdom in Russia. The author has analyzed the materials of "Russian Messenger", a magazine published by Glinka, and considered its conservative programme of liquidation serfdom's negative socio-political and economical consequences, which went with preservation of the institute. The research of Glinka's last unpublished writings permits to talk about his critical attitude toward the serfdom in Russia, which was connected with the evolution of his world outlook to a liberalism. In conclusion it is said that the negative attitude toward the serfdom was inherent to Glinka during all his life. But during a period of his conservative views he was believing in possibility to decide a peasant question through the moral enlightenment of Russian society. In the last years of his life he was standing for transfer the question into the political and lawful spheres.

Key words: S.N. Glinka, russian conservative nationalism of the beginning of the XIX century, serfdom, mythologized history, social utopia